

Синхронный перевод — один из наиболее своеобразных и вместе с тем наименее изученных видов речевой деятельности, по ряду причин в растущей мере привлекающий к себе в последние годы внимание исследователей. Необычность этого вида устного перевода проявляется прежде всего в том, что в нем совмещены во времени виды речевой деятельности, традиционно и, казалось, с достаточным основанием, считавшиеся несовместимыми: аудирование, восприятие и понимание речи. Для осуществления этого последнего, как принято было считать, необходима встречающаяся латентная речевая активность слушающего, с одной стороны, и собственно говорение, которому должна, как представлялось, также предшествовать активная, концентрированная и самостоятельная мыслительная работа говорящего, с другой. Синхронный же перевод, реальность и осуществимость которого подтверждена теперь уже многолетней успешной практикой работы международных мероприятий и организаций, является наглядным опровержением этих ставших почти аксиоматическими положений и яркой манифестацией резервных возможностей речевого механизма человека, его многоканального, нелинейного характера.

Изучение синхронного перевода (СП), этого «детича XX века» (с. 5), началось по существу только около двух десятков лет назад и является, таким образом, одной из самых молодых отраслей прикладных лингвистических и психолингвистических исследований. На общем фоне пока еще не очень многочисленных изысканий по данной тематике, осуществляемых в США, Франции, ГДР, других странах, работы советских авторов, и в частности Г. В. Чернова и его учеников, а также А. Ф. Ширяева выделяются своей научной фундаментальностью, экспериментальной достоверностью и методологической последовательностью. Следует отметить также тесную связь теории синхронного перевода с профессиональной деятельностью переводчиков-синхронистов и практикой их подготовки, характерную для направления, возглавляемого Г. В. Черновым, который обладает многолетним опытом работы в Организации Объединенных Наций и на ответственных международных форумах. Рецензируемая книга, в отличие от двух вышедших у нас ранее проблемных монографий по этой теме, является первым опытом учебника, систематически излагающего теоретические основы СП [1, 2].

Учебно-систематизирующий характер книги ни в коей мере не идет в ущерб ее проблемно-творческой направленности,

поскольку в ней речь идет, как сказано выше, не об инвентаризации устоявшихся взглядов и общепризнанных положений, а о попытке сформулировать в общедоступном и упорядоченном виде результаты теоретических и экспериментальных изысканий, значительная часть которых выполнена непосредственно автором или его учениками. Этой задаче подчинены построение книги, стиль изложения и все содержание книги.

Книга открывается проблемно-хронологическим обзором истории и современного состояния вопроса, в котором подвергаются критическому анализу различные предлагавшиеся ранее психологические и психолингвистические модели СП, выявляются существенные изъяны многих из них: игнорирование этапа обработки речевой информации при ее восприятии и порождении, а также пренебрежение таким важным психологическим моментом, как осознаваемость контроля со стороны переводчика над своими действиями и операциями в модели Д. Гервера; недостаточный учет многоканальности переработки информации в модели Б. Мозер; недооценка прогнозирования и извлечение его к роли вспомогательного механизма в модели Д. Массаро и т. д.

Большое внимание уделяется разбору так называемой Парижской школы «теории смысла» (М. Пернье, Д. Селескович, М. Ледерер). Признавая ее вклад в разработку ряда важных проблем СП, плодотворность принятой ее последователями трактовки СП как прагматически детерминированного коммуникативного процесса, автор справедливо критикует ее за неспособность подняться до понимания целостности деятельностного характера СП, пойти дальше постулирования передачи смысла в СП, не раскрывая способов реализации и выявления этого смысла в речи и СП.

Констатируя недостаточность объяснений, предлагаемых для раскрытия сущности СП западными исследователями, автор развивает свой собственный подход к данному феномену, основанный на достижениях советской психолингвистической школы. Г. В. Чернов особо выделяет роль принципа коммуникативной значимости, позволяющего «... рассматривать СП ... как вид коммуникативно-речевой деятельности, обеспечивающий двуязычное общение» (с. 31). Важнейшим методологическим принципом, упомянутым Г. В. Черновым, правда, лишь в качестве третьего, «... является принцип встречной активности мозга в процессах отражения (смыслового восприятия), тесно связанный с принимаемым за исходный в настоящей работе принципом опережающе-

го отражения действительности...» (там же).

Названный методологический принцип лежит в основе выявленного Г. В. Черновым ведущего механизма реализации СП — механизма вероятностного прогнозирования при речении и осмыслении сообщения на исходном языке и упреждающего синтеза при репродукции (порождении) сообщения на языке перевода (ср. с. 37).

Реальные условия выполнения СП рассматриваются в главе «Синхронный перевод — деятельность, осуществляемая в экстремальных условиях». Наиболее существенным утверждением, доказательно обосновываемым в данной главе, является положение об истинной синхронности СП, т. е. одновременности слушания и говорения в его процессе. Экспериментальные данные, получаемые автором и другими исследователями, неопровержимо показывают, что в среднем от двух третей до четырех пятых времени говорения переводчика реально совпадает с восприятием им звучащей речи оратора (с. 40), причем отставание переводчика от оратора («фазовый сдвиг»), необходимое для восприятия осмысленного отрезка речевого потока, колеблется в узком диапазоне вокруг среднего значения, равному приблизительно 3 сек.

Здесь же дан анализ иных темпоральных параметров СП, в частности соотношения скорости речи переводчика со скоростью речи оратора. В зависимости от этого последнего показателя происходит большее или меньшее замедление темпа речи переводчика (до величины порядка от 70 до 85% темпа оригинала), чем достигается усреднение темпа, а соответственно и оптимизация качества СП на выходе.

Далее автор переходит к рассмотрению смысловой стороны речевой коммуникации в аспекте ее функционирования в качестве инварианта межязыкового преобразования текста устного выступления в процессе синхронного перевода. В трактовке смысла как явления экстралингвистической природы автор присоединяется к Н. А. Слосаревой [4] и В. А. Звегинцеву [3]. Такое понимание смысла применительно к ситуации СП представляется несомненно плодотворным, поскольку позволяет учесть включенность переводчика в многостороннюю интеллектуальную и прагматическую структуру деятельности международного форума, в рамках которой осуществляется СП.

В ходе дальнейшего уточнения смыслового субстрата СП автор конструирует понятие семантико-смысловой структуры сообщения, складывающейся из референтной (предметно-пропозитивной), дейкти-

ческой и модально-фактивной составляющих, помимо которых в реальном сообщении «всегда содержится и прагматическая рамка сообщения, через которую выражается взаимоотношение говорящего и слушающего...» (с. 73). Эти структуры и манифестирующие их компоненты находятся в состоянии сложного перекрещивающегося взаимодействия, но именно они в своей совокупности, а не особенности материально-звуковой, лексической и грамматической структур являются объектом перевода, в том числе синхронного. «Вот почему не сообщение как таковое, которое не может быть сообщением вообще, а может быть только сообщением на ИЯ или сообщением на ПЯ, т. е. сообщением на конкретном языке, а именно ССС (семантико-смысловая структура. — Ц. М.) сообщения и рассматривается как инвариант в синхронном переводе» (с. 88).

Решающее значение для объяснения осуществимости СП имеет понимание сути определяющего механизма СП — механизма вероятностного прогнозирования. Автор вводит понятие имплицитивности, с которым связано явление смысловой (субъективной) избыточности сообщения. Это качество сообщения (текста) проявляется в том, что слушающий достигает понимания с помощью вывода, делаемого на основании уже состоявшейся части сообщения. Автор различает смысловой вывод языкового типа, когнитивно-тезаурусный вывод, ситуативно-дейктический вывод и прагматический вывод.

Степень избыточности (а соответственно — и прогнозируемости) сообщения дополнительно увеличивается за счет особенностей коммуникативной ситуации СП, в состав которой включаются такие факторы, как «форум» (т. е. конкретное мероприятие некоторой организации, на котором осуществляется СП), «аудитория», «оратор», а также тематические, событийные и временные рамки сообщения и, наконец, факторы цели и мотивы сообщения. Факторы коммуникативной ситуации СП выступают во взаимодействие с компонентами семантико-смысловой структуры сообщения, а это за счет резкого повышения общего уровня избыточности значительно облегчает задачу осуществления СП в характерных для него экстремальных условиях.

Центральное место в рецензируемой работе занимает, несомненно, глава «Вероятностное прогнозирование в синхронном переводе». Основываясь на идеях П. К. Анохина [5] о законе опережающего отражения действительности и используя обоснованное И. М. Фейгенбергом [7, 8] понятие вероятностного прогнозирования, Г. В. Чернов вскрывает положительную корреляцию между избыточ-

ностью языка и речи и успешностью вероятностного прогнозирования.

В ходе осуществления СП эта зависимость реализуется с помощью процедуры кумулятивного динамического семантико-смыслового анализа. Эта процедура основана на диалектическом преодолении противоречия между дискретностью и связностью структуры сообщения, осуществляемом путем последовательного суммирования синхронистом воспринимаемых им смысловых компонентов, ряда промежуточных процедур завлечения смысла из воспринятого и, наконец, «... последовательного построения... на этой основе все более и более четкой и развитой гипотетической семантико-смысловой структуры сообщения в целом» (с. 135).

Существив кумулятивный динамический анализ семантико-смысловой структуры воспринимаемого сообщения, синхронист формирует внутреннюю программу высказывания, которая фактически является начальным этапом порождения речи-перевода. Эвристический характер всех этапов данного процесса определяет собой, в частности, многовариантность выдаваемого конечного результата, сводимого, однако, к ограниченному числу подающихся численному конфигураций отражения тематической структуры высказывания в переводе.

В заключительных главах книги рассматривается целый ряд более конкретных особенностей реализации СП и проявляющихся при этом закономерностей. Наибольший интерес в данном отношении представляет глава «Актуализаторы смысла — информативные лики высказывания». В ней на конкретном языковом материале (сопоставительный анализ исходных сообщений и транскриптов их СП) обосновывается применимость к СП положения о том, что «...при восприятии информации, поступающей в мозг из окружающей среды, вступает в действие особый нейрофизиологический механизм мозга, который обеспечивает восприятие прежде всего по точкам изменения меры информации» (с. 166).

Вслед за Н. И. Жинкиным [6], автор связывает точки изменения информации в сообщении с его элементами, выражающими рему высказывания. В отдельных разделах данной главы Г. В. Чернов показывает, как эта закономерность проявляется при передаче разных типов рем, и отражении рематического состава сообщения и в особенности в воспроизведении оценочной ремы, оказывающейся зачастую доминантной в типичном для ситуации СП сообщении общественно-политической направленности.

Связь теории с практикой, плодотворность применения научных обобщений

в целях оптимизации профессиональной подготовки переводчиков-синхронистов и повышения эффективности их деятельности с наибольшей наглядностью выявляется при рассмотрении проблем синтаксиса, специфичных для синхронного перевода. Здесь показано, что успешность упреждающего синтеза, т. е. возможность непрерывного безопытного речевого исполнения СП на достаточно длительном отрезке, зависит от шага вероятностного прогнозирования семантико-смысловой структуры исходного высказывания, что в свою очередь обуславливается, с одной стороны, способами выявления ремы, и с другой — предсказуемостью лексического состава высказывания.

В этой связи рассматриваются также пути преодоления трудностей, возникающих в силу различия в порядке слов, способах оформления актуального членения предложения в таких парах языков, как русский-английский, русский-французский, описываются закономерно применяемые при этом модели синтаксических перестроек. Было бы, конечно, интересно проследить, как эти закономерности проявляются при переводе с языков, порядок слов которых существенно отличается от языка перевода (например, СП в немецко-русской комбинации), но это, очевидно, может быть с успехом проделано другими исследователями с использованием апробированной Г. В. Черновым методики.

Обобщая результаты осуществляемого в работе всестороннего анализа СП как сложного вида двуязычной коммуникативно-речевой деятельности, автор на основе разработанной П. К. Анохиным функциональной системы поведенческого акта строит аналогичную систему СП (с. 224), в которой каждый шаг в деятельности переводчика-синхрониста — от осмысления сообщения на исходном языке через принятие решения о переводе до порождения высказывания и самоконтроля — изоморфен одному из элементов разработанной Анохиным модели.

Вероятностное прогнозирование, являющееся ведущим психологистическим механизмом СП, протекает как многоуровневый процесс, опирающийся на избыточность каждого из уровней воспринимаемого переводчиком высказывания, которые Г. В. Чернов считает целесообразным объединить в четырех частично перекрывающихся друг друга ярусах — просодическом (низшем), синтаксическом (промежуточном), семантико-смысловом (центральном) и имплицитивно-смысловом (высшем) (с. 227—228).

Данная модель предполагает своего рода эвристическое сканирование сообщения переводчиком по всем уровням

с целью выявления спорных моментов, дающих оптимальное основание для вероятностного прогнозирования и упреждающего синтеза.

Как учебник для высшей школы рецензируемая книга содержит и указания относительно методики подготовки переводчиков-синхронистов, основанные на разработанной автором модели СП. Стержнем этой методики является сообщение знаний, способствующих повышению субъективной избыточности сообщения для переводчика, и выработка у него навыков, обеспечивающих необходимый автоматизм его речевых действий. К сожалению, именно этот раздел, представляющий наибольший интерес для преподавателя-практика, изложен крайне лаконично и по существу сведен к схематическому изображению, с трудом поддающемуся расшифровке без помощи опытного методиста (с. 242—243).

В целом книга Г. В. Чернова является ценным вкладом в развитие теоретико-прикладных исследований в области психолингвистической теории перевода, может явиться импульсом для дальнейшего развертывания научных работ в этом направлении, имеющем основание стать од-

ним из приоритетных в современном языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.
2. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М., 1979.
3. Сяусарева Н. А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963.
4. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
5. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
6. Жинкин Н. И. Грамматика и смысл // Язык и человек. М., 1970.
7. Фейгенберг И. М. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга // Вопросы психологии. 1963. № 2.
8. Фейгенберг И. М. Память и вероятностное прогнозирование // Вопросы психологии. 1973. № 1.

Цвилянг М. Я.

Lamprecht A. Praslovansčina. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1987. 197 S.

Наука о праславянском языке, закономерно обособившаяся от сравнительной грамматики славянских языков, в последние десятилетия достигла значительных успехов. И это вполне понятно, так как вопросы вычленения из индоевропейской общности и становления праславянского языка, его хронологизации и выявления внутривидовых движущих причин его развития относятся к основным проблемам славянского языкознания. Об этом свидетельствует не только множество работ о праславянском языке, но и существующие разногласия в подходах к решению указанных проблем. Именно этим объясняется успех широко информированного и хронологически обоснованного подхода американского слависта Х. Бирнбаума к этой проблематике [1].

Книга известного чешского слависта А. Лампрехта (1919—1985) является обобщающим трудом о праславянском языке. Развивая свои взгляды на праславянский язык [2—5], Лампрехт сформулировал наиболее четко свой подход на VII съезде славистов в Варшаве (1973): «... тот праславянский язык, каким мы его знаем в реконструируемой форме из большей части этимологических словарей и в значительной мере отраженной в древнейших старославянских памятниках, является образованием, возникшим сравни-

тельно незадолго перед фиксацией в старославянских текстах» (с. 11). В связи с этим утверждением указываются основные этапы развития праславянского языка:

I. Ностратический период и его распад около 8000 г. до н. э. (очевидно, в рамках 9000—7000 гг. до н. э.);

II. Индоевропейский период, состоящий из двух этапов:

а) протоиндоевропейского (после распада ностратического сообщества);

б) раннего индоевропейского и собственно классического индоевропейского этапа (примерно до 3000 г. до н. э.);

III. Распад индоевропейского праязыка и образование ранних основных позднейиндоевропейских ареалов (около 3000 г. до н. э.);

IV. Отделение протобалтийских (балтославянских) диалектов от других индоевропейских (после 2000 г., возможно, около 1500 г. до н. э.);

V. А. Начало выделения славянских диалектов из протобалтийского (балтославянского) сообщества (около 400—500 гг. до н. э., возможно, в пределах 700—200 гг. до н. э.). Этот так называемый «ранний праславянский» в фонетико-фонологическом отношении все еще близок к балтийским диалектам;

Б. Возникновение так называемого «классического праславянского» в 400—800 гг. н. э.;